

История еще одной первой любви

A + D = ?

АГНИЯ АРРО

АГНИЯ АРРО

A + Д = ?

ИСТОРИЯ ЕЩЕ ОДНОЙ
ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

ПЛЕЙЛИСТ

1. «feat. Сацура ST1M» — «Бой с тенью»
2. «Асия» — «Шекспир»
3. Dante — «В два раза быстрее»
4. Евгения Рыбакова, Алексей Горшенев — «Ты для меня»
5. «Другой Ветер» — «Моя бесконечность»
6. PANDAROV — «Кипяток»
7. Limp Bizkit — «Take A Look Around»
8. Istokiya — «Омут»
9. «Свят» — «Не отпускай»
10. «Города» — «TRITIA»
11. «Нервы» — «Вороны»
12. Дмитрий Колдун — «Граффити»
13. Slavik Pogosov — «К черту вашу любовь»
14. Mary Gu, МАУОТ — «Два выстрела»
15. Никита Кунов, Istokiya — «Свет фонарей»
16. «Свят» — «По дороге домой»
17. Антон Небо — «Пятиэтажки»
18. «Три дня дождя» — «Иду за тобой»
19. Дима Корсо — «Бермуды»
20. Mary Gu — «Пьяный романтик»
21. R. Riccardo — «МЕНТОЛ»
22. Nickelback — «Never Gonna Be Alone»
23. Bahh Tee — «Любовь — это...»
24. T1One, MIKHAILOV — «Поцелуй с перегаром» prod. by Niknaut Production

ПРОЛОГ

Арс

— ЧТО ТЫ на меня так смотришь? Что?! Идеальная жизнь, которую ты себе придумала, закончилась! Я просил тебя — прекрати меня жалеть! Я не нуждаюсь в твоей жалости. И в тебе! Ни в ком не нуждаюсь, ясно? Я сам по себе!

За моей спиной замерла эффектная девушка, с которой я вышел из ВИП-кабинки для секса. Ее образ, не успев сохраниться, тут же смывается из памяти. Слезами Дили. Она не произносит ни слова. Лишь качает головой, а меня разрывает от боли. Разносит к чертям собачьим по этому чертовому клубу. Размазывает, растирает в порошок, потому что моей девочке больно. Я причина этой боли. Я не смог уберечь ее от самого себя.

Эту историю не надо было начинать, тогда была бы в ее улыбке та легкость, в которую я влюбился. Дилиа никогда не плакала со мной вот так. Молча, дрожа. И никогда не смотрела на меня так, как сейчас. Как на ничтожество. Я и есть ничтожество.

— Диль... — хрипло зову ее, понимая, что потерял.

Она уходит. Я срываюсь за ней. Меня за плечо ловит Данте. Разворачиваюсь и впечатываю кулак

ему в лицо. Толпа расступается, а мы валимся на пол. Я бью, а лучший друг только прикрывается.

Прибегает охрана, и нас обоих вышвыривают из клуба.

— Это ты сказал ей, где я?! — Толкаю Дана в плечи, снова нарываясь. В груди адски горит. — Ты?!

— Рано или поздно она бы узнала о твоих загулах, Арс. — В его взгляде читаются укор и долбаное превосходство. Он же весь из себя такой правильный и принципиальный, а я — сволочь.

— Зачем ты это сделал?! — Снова толкаю его.

— Я ничего ей не говорил. Я бы не поступил так с тобой. Хватит видеть во всех врагов, Арс. Поезжай домой и проспись! — Данте хватает меня за грудки и хорошенько встряхивает. Бью его по запястьям ребрами ладоней, чтобы отвалил.

— Иди к черту! — ору ему прямо в лицо. Резко разворачиваюсь и бесцельно сваливаю. Плевать куда. Подальше отсюда.

— Я такси тебе вызову. Стой! — Дан кричит мне в спину.

Но я не оглядываюсь. Пошатываясь, поднимаю руку выше, показываю другу средний палец и ухожу в темноту, где можно наконец сдохнуть, чтобы никто не видел.

ГЛАВА 1

Арс

Без любви жить легче.
Но без нее нет смысла.

Лев Николаевич Толстой

ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНО ПРОВОРАЧИВАЮ ключ в замочной скважине. Медленно открываю дверь и неслышно шагаю в прихожую. Почти девять утра, но крохотная надежда, что мама спит, все еще жива.

Прислушиваюсь. На кухне льется вода. Черт! Это не есть хорошо. Скинув кроссовки, все так же тихо и едва дыша поднимаю их и ставлю на обувную полку. Широкий ремень спортивной сумки соскальзывает с плеча, создавая ненужный шум. Выругавшись сквозь зубы, кошусь в сторону кухни, сжимаю ремень в ладони так, что грубая ткань врезается в кожу, и направляюсь к своей комнате, собираясь свалить, пока меня не спалили.

— Арсик, — мама выходит из кухни, будто стояла прямо за углом и караулила удобный момент, — где ты ночевал?

Надвинув кепку и прикрыв козырьком лицо, поворачиваюсь к ней и нахожу в себе силы улыбнуться, чтобы она не волновалась. Но ее усталые светло-голубые глаза и нахмуренные брови говорят,

что надо было все же позвонить и предупредить, что меня не будет.

— Ма, твой сын уже большой мальчик. — Увиливаю от ответа.

— Большой он, — качает мама головой. Касается моей щеки, задевает козырек, и кепка слетает. — Господи, опять?! — вскрикивает мама. Мрачнеет, берет меня за подбородок и крутит голову из стороны в сторону, рассматривая разбитую бровь и ссадину на скуле. — Что на этот раз? О косяк ударился или столб по дороге не заметил? — Ее голос нервно вибрирует, крылья носа подрагивают, а глаза наполняются беспокойством.

— Упал со скейта, ма, — уверенно выдаю одну из своих заготовок.

— Ты меня за дуру не держи, Арсений! Что происходит? — заводится она. — Подрался?

— Чтобы тренер мне потом устроил персональный ад за нарушение одного из главных правил? — морщусь я, вспоминая, как Юрий Германович наказывает своих спортсменов за косяки.

Только я давно уже не его спортсмен. Мама не знает, что со мной расторгли контракт еще весной. И о том, что внутри меня в момент прощания с командой будто что-то умерло и до сих пор там разлагается. Меня словно выгнали из дома, махом лишив тренировок, соревнований и важных людей, с которыми я вырос в том чертовом зале, пропитанном потом и кровью.

Еще она не знает, на какие деньги на самом деле мы теперь живем, и реально думает, что ночи я провожу с друзьями или девушкой. Так для всех будет

лучше. Ради ее спокойствия я готов отыгрывать эту роль достойно премии «Оскар».

Мама хватается за футболку и тянет к себе, забавно приплюсываясь. Алкотестер и полицейский в одном лице. Я все ей прощаю. У меня нет человека ближе. Совсем недавно мы еле вытащили ее с того света, и поэтому сейчас я согласен на все, чтобы она успокоилась.

— Потом пахнет. — Морщит переносицу, а в глазах все равно читается беспокойство. — Марш в душ, и буду тебя обрабатывать.

Выдыхаю и скрываюсь в своей комнате. Вроде снова пронесло. Кинув кепку на кровать, подхожу к зеркалу на дверце шкафа и рассматриваю свой покоряющий фейс.

Ночь была сложной. Ильхан, хозяин клуба боев без правил с говорящим названием «Клетка», был в паршивом настроении из-за того, что потерял одного из перспективных бойцов, и решил отыграться на остальных. У меня было два боя. Один ни разу не равный. Думал, упаду на втором раунде, когда и получил в скулу. Ничего, вылез. Только голова трещит адски, улыбаться больно, но бабки, упавшие на карту, действуют как хорошее обезболивающее. Они нам позарез нужны. Данте помог с деньгами на операцию, но лекарства для мамы стоят мегадорого, а я не могу вечно просить помощи у друга. Заработаю сам, как раньше, когда бокс в моей жизни был профессиональным и был контракт, были спонсорские, была семья...

Тряхнув мутной головой, загоняю подальше эти паршивые мысли. Открываю верхний ящик тумбочки, смотрю на пачку сигарет... Я бросил. Почти.

Сдергиваю полотенце с дверцы шкафа, отправляюсь в душ и потом к маме, как она и просила. На кухонном столе уже разложена домашняя аптечка. За последнюю пару лет она стала походить на какой-нибудь отдел городской аптеки.

— Ма. — Касаюсь ее руки.

— Ты знаешь, что я чувствую, когда ты мне врешь. — Мама строго смотрит на меня.

— Я не вру.

— Помолчи, — отмахивается она и берет вату, пропитанную перекисью.

Ее руки едва заметно подрагивают, а губы то и дело сжимаются в бледную полоску.

— С-сх. — Дергаюсь, когда мокрая вата касается скулы.

Мама дует как в детстве. Внутренности выворачивает наизнанку. Зажмуриваюсь, ощущая, как теплые мамины пальцы бережно касаются лица.

— Что же это такое? Ну разве так можно? — причитает она, заботливо обрабатывая ссадины. — Вот был бы отец жив...

— Ма, у тебя уколы есть еще? — Перебиваю ее, чтобы снова не пришлось лгать.

— Все есть. Медсестра приходила, сделала уже.

— Хорошо. — Ставлю мысленную галочку, что надо перевести деньги за следующую неделю.

Закончив, мама жарит мне яйца и делает бутерброды с докторской колбасой. В меня не лезет, но я ем.

— Спать иди, — вздыхает мама, замечая отсутствие аппетита. — Глаза красные, смотреть страшно... Не знала бы, что во Дворце спорта строго

следят за вашим здоровьем, непременно отвезла бы тебя в клинику.

— Ты серьезно? — Приподнимаю заклеенную бровь и тут же кривлюсь от неприятного ощущения.

— Иди, сказала, — отмахивается мама и отходит к окну. Внимательно смотрит на соседнюю многоэтажку, словно там показывают что-то интересное.

— А как же завтрак? — Зеваю, прикрыв рот кулаком.

— Не давайся. Хватит вести себя со мной как с немощной. Тебе даже врач сказал, что все прошло хорошо.

— Угу. — Вяло дожевываю бутерброд.

Мне он сказал гораздо больше, потому я пока не могу отпустить ситуацию и расслабиться. Но поспать все же надо, тут мама права.

Ухожу в комнату, снимаю футболку и бросаю ее на спинку компьютерного кресла. Еще раз глянув в зеркало на свою разбитую рожу, ложусь на прохладное покрывало и смотрю в потолок.

Рядом валяется телефон, и мысли автоматически переключаются на приятное. По телу проходит волна тепла, а губы растягиваются в улыбке. Диляра. Улыбчивая, неиспорченная девочка, которая мне даже не друг. Я не знаю, что у нас с ней. Только редкие многочасовые переписки в Сети, после которых я пропадаю, а она никогда не пишет первая. Это похоже на какую-то игру, где никто не устанавливает правила. В нужный момент они появляются сами собой.

Открываю мессенджер. Сразу замечаю, что Диля сменила аватарку. Вместо ее фотографии на меня те-

перь смотрит Лило из мультфильма «Лило и Стич». Улыбаюсь шире, вспомнив, что синее инопланетное существо было другом для нарисованной девочки. Ищу подходящую фотку и меняю свою аватарку на Стича, дурашливо показывающего язык. Не думая, набираю Диля сообщение без глупых, никому не нужных приветствий.

Я: «Мне не спится».

Она долго что-то набирает. Слово «печатает...» буквально повисает в диалоговом окне. Мне кажется, Лило возмущена. И это забавляет еще сильнее.

Диляра: «Отправить к тебе курьера со сновторным?»

Я: «Не, мне нельзя. Вечером тренировка с Данте. Как дела?»

Диляра: «Все хорошо, Стич. Инопланетных монстров пока не пробегало».

Рассмеявшись, вдавливаю затылок в подушку и жмурюсь, поймав тот самый вайб, который есть только в нашем общении.

Я: «А под кроватью смотрела?»

Диляра: «В первую очередь. И ногу из-под одеяла ночью высовывала на всякий случай».

Я: «Уверена? Вдруг он просто сел на диету и решил не есть после шести? Проверь еще раз».

Диля пропадает, а я посмеиваюсь, представляя себе, как эта девчонка с черным шелком длинных волос встает на четвереньки и осматривает пространство под кроватью. Закусив костяшку пальца, жду ответа. Она присылает фото.

Я: «Симпатичный плинтус». — Отправляю ей ржущий смайл, разглядывая вид под кроватью.

Чистенько. Светлый ламинат, плинтус в тон, полоска кремовых обоев с контурами крупных цветов и кусочек торчащей простыни в цветочек помельче. Очень мило. Наверное, что-то такое я и представлял в ее комнате. Девочка, которая пахнет цветами и солнцем, может спать только на таком белье.

Диляра: «Спасибо. Мне тоже нравится».

Я: «А в шкафу смотрела?»

Нахожу картинку, как Стич настороженно выглядывает из-за стены, и кидаю вдогонку к своему сообщению.

Диляра: «Предполагаешь, он мог переехать?»

Я: «Предлагаю не исключать такой вариант».

Диляра: «Но я не слышала, как он таскал вещи». — Задумчивый смайлик в конце.

Я: «Ты все же проверь».

Диляра: «А если он там?!» — Смайл с огромными выпученными глазами.

Я: «Дай мне знать, Лило. И пока я мчусь к тебе на помощь, удиви его».

Диляра: «Как?» — Шокированно-напуганных смайлов становится больше.

Я: «Ну-у-у, я не знаю. Поздравь с новосельем». — У меня уже щеки болят от улыбки.

Диля присылает в ответ стикер кота, упавшего на спину от смеха, — и прошлая ночь отпускает, перестает ныть ссадина на скуле, и почти не тянет разбитая бровь. Глаза наконец закрываются, и я не прощаясь исчезаю из нашей переписки, как чаще всего и случается.

ГЛАВА 2

Арс

— ПРОСТИТЕ МЕНЯ, Юрий Германович.

— И ты меня, Арс. — Тренер крепко пожимает мою ладонь, и в этот момент внутри все обрывается, потому что сейчас, в эту самую секунду, до меня в полной мере доходит, что это конец моей спортивной карьеры. Это больше не предупреждение, не угроза. Это финал. — Не получилось отбить тебя у вредной привычки и спонсоров. Ладно, все, давайте на ринг. Разомнемся и красиво проводим друга, — громче объявляет он.

Мы быстро разогреваемся и по очереди выходим на спарринг. Первым падает наш чемпион, Тайсон Салахов. Лежит, улыбается, а я за смехом скрываю то, как меня разрывает на части от происходящего.

— Гады! — кидаю парням.

— Давай-давай, заряжайся. Пусть это ощущение всегда будет с тобой, — поддерживает меня тренер. — Обстоятельства не должны тебя прогибать, Арс. Ты должен создавать другие условия, в которых ты останешься победителем. В первую очередь сам для себя.

— Мне будет не хватать ваших советов.

— Телефон знаешь. Соскучишься — звони, пообщаемся. Зорин, иди падай. — Тренер зовет Клима.

С ним мы долго кружим по рингу, но и он в итоге дает мне в последний раз ощутить вкус победы. Затем то же самое проворачивают Касьян, Сема и сам Терехов.

Все бойцы следят за нашим с тренером боем. Он красивый и настоящий, а в конце мы с Юрием Германовичем ударяемся перчатками.

— *Удачи, Арс. За пределами этого зала тоже есть жизнь, — поддерживает он.*

— *Да дерьмо там, а не жизнь, тренер. Спасибо, пацаны. Увидимся...*

Открыв глаза, долго смотрю в потолок, в очередной раз переваривая этот сон-воспоминание. Поворачиваю голову. На тумбочке все лежит пачка сигарет. Рывком смахиваю ее на пол. Успокоительное, помогающее гасить нервяк и волнение за маму, улетает за корзину для белья.

Скрипнув зубами, встаю, пробиваю двоечку в стену, дергаясь от боли и разгоняя кипяток по венам. Тело быстро приходит в тонус. Так-то лучше. Глянув на часы, прикидываю, сколько времени осталось до встречи с Данте. В квартире что-то глухо падает. Тут же выхожу и застаю маму на кухне. Она прижимает ладонь к месту, где расположен большой послеоперационный шов.

— *Ма, ты чего? — Тут же подскакиваю к ней. — Плохо?*

— *Разбудила? — вздыхает она, наклоняясь, чтобы поднять упавший табурет.*

— *Не трогай. — Поднимаю его сам и помогаю маме присесть. — Ты на вопрос не ответила.*

— *Все хорошо, Арсик, — ласково улыбаясь, называет меня как в детстве. — Погода меняется, вот ноет немного.*

— *Ясно. Посиди, сейчас найду твои таблетки.*

Шлепнув ладонью по выключателю, потрошу аптечку и даю маме легкое обезболивающее, которое на такие случаи прописал врач.

— Покормить тебя? — Она суетливо приподнимается. — Ты же так и не поел толком.

— У меня тренировка. Есть уже поздно. Потом. А ты иди отдыхать. Хватит уже круги нарезать по кухне. Я сам могу себе приготовить, если проголодаюсь. — Последняя фраза выходит несколько раздраженной.

— Ночевать опять не придешь, большой мальчик? — дразнит мама, пряча улыбку в стакане с водой.

— Если ты действительно нормально себя чувствуешь...

— Действительно нормально. Иди, пока каникулы. Скоро учеба начнется. Особо не погуляешь.

С учебой тоже все непросто. Если начинаешь лгать, пусть и во благо, цепочка из смоделированных ситуаций постепенно разрастается в бесконечность. Уверен, при других обстоятельствах мама поняла бы мое решение поступать на другую специальность. Но сейчас мне пришлось бы объяснять, почему ее сын, грезивший спортом, вдруг решил уйти из профильного университета, где учатся все боксеры, и поперся изучать проджект-менеджмент, о котором даже не заикался. Это исключено, поэтому я лишь киваю и ухожу потрошить спортивную сумку.

На пол летят шорты, полотенце, пустая бутылка. Красные бинты для тейпирования, перчатки, капа и прочие мелочи остаются на дне. Докидываю сверху свежую форму и еще на пару минут зависаю, рас-